

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ПАХОЛОВЫХ ИЗ СЕЛА НИЖНЯЯ ЗОЛОТИЦА (по архивным материалам)

БАЛАКИН Алексей Юрьевич,
г. Санкт-Петербург

В Государственном архиве Архангельской области хранится немало документов, повествующих о гонениях, которым в 1920–1930-х гг. подвергались поморские семьи. С одной стороны, эти документы типичны для того времени, когда новая власть разрушала крепкие крестьянские династии, лишая крова и ссылая на лесоповал или отбывать иную трудовую повинность. С другой, в них нередко отражалось удивительное человеческое достоинство: люди не складывали бессильно руки, а боролись за свое право жить и работать там, где жили и работали их предки – и порой побеждали в этой борьбе, хотя и не без неизбежных потерь. Про историю одной такой семьи пойдет речь ниже. Она интересна тем, что один из ее членов, Василий Дмитриевич Пахолов, был знаком с писателем Юрием Казаковым, стал прототипом главного героя его рассказа «Нестор и Кир», а также был упомянут в других его рассказах и очерках¹.

Согласно домово́й книге 1920-х гг., до сих пор хранящейся в сельсовете Золотицкого сельского поселения, в те годы хозяйство Пахоловых состояло из семи человек. Главой его был Дмитрий Степанович (род. 25 окт. 1858 г.), вместе с которым проживали жена Манефа Поликарповна (род. 13 нояб. 1868 г.) и дети: Яков (род. 22 нояб. 1906 г.), Прасковья (род. 25 сент. 1908 г.) и Василий (род. 11 или 12 марта 1895 г.) со своей женой Еленой Федоровной (род. 20 мая 1891 г.) и дочерью Ириной (род. 4 мая 1923 г.); немного позднее к ним прибавится еще одна дочь Василия – Зинаида (род. 10 дек. 1930 г.).

Согласно архивной справке, составленной в 1928 или 1929 г., по социальному происхождению Дмитрий Степанович был «кулак», на момент составления справки «кулак лишенец». Род занятий – кустарная мастерская по обточке точил и сельское хозяйство². Хозяйство его состояло из земли пахотной – 0,03 га, сенокосной – 3,09 га, двух лошадей, двух коров, и одной овцы. Также у семьи было два дома – один, который впоследствии стал принадлежать Василию Дмитриевичу, со двором, 1890 года постройки; другой, соседний, без двора, 1910 года постройки, отошел позднее Якову Дмитриевичу³. При хозяйстве имелись амбар, сарай, два скотных

¹ См.: Балакин А.Ю. Реальность и литература в рассказе Юрия Казакова «Нестор и Кир» // Новый мир. — 2021. — №7. — С. 144–153.

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 4850. Оп. 1. Д. 2а. Л. 5.

³ Годы постройки домов указаны в упомянутой выше домово́й книге.

сарая, а также два карбаса, парусная ёла, невод, тайник и сети. Наемным трудом в настоящее время Дмитрий Степанович не пользуется, а раньше пользовался; отношение к Советской власти – кулацкое⁴.

Уже в Конституции РСФСР 1918 г. присутствовала статья, определявшая категории граждан, которые не могут избирать и быть избранными. Первым пунктом в ней назывались «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли» [2, с. 29], то же мы видим и в Конституции 1925 г. [2, с. 169]. В этой формулировке (и формулировках других пунктов этой статьи) оставалась некоторая неопределенность. Как отмечал один из исследователей, в основном законе фиксировалось «состояние, занятие человека в настоящем времени, логично было бы предположить, что прекращение деятельности, связанной с попаданием в число лишенцев, должно было вести и к изменению правового статуса. Впоследствии в избирательном законодательстве и тем более на практике, ситуация была неоднозначной, многократно менялась, и зависела от политической конъюнктуры» [3, с. 125]. Поэтому во второй половине 1920-х гг., в основном перед выборами в местные органы власти, был издан ряд подзаконных актов, уточнявших положения основного закона. В них то смягчались, то ужесточались условия, по которым те или иные категории становились «лишенцами». Так, в инструкции о выборах городских и сельских советов от 13 октября 1925 г. допускалось восстановление в избирательных правах крестьян или ремесленников, использовавших наемный труд одного взрослого или двух учеников [3, с. 130; 1, с. 30]. Но уже спустя год, 4 ноября 1926 г., была принята гораздо более жесткая инструкция, которая лишала избирательных прав не только людей, использующих наемный труд сейчас, но и тех, кто использовал его раньше вне зависимости от срока давности [3, с. 133].

Видимо, именно по этой инструкции права голоса был лишен в 1926 г. отец Пахолов, а в следующем году – оба его сына.

Нужно сделать важное уточнение: «лишенцы» не только не могли участвовать в голосовании при выборах местных или иных властей, а фактически ставились вне закона, и для расправы с ними местным органам власти давались самые широкие полномочия. Так, в сельской местности задолго до объявления коллективизации и раскулачивания их могли лишить всего имущества, выгнать из жилья и фактически лишить средств к существованию. Впрочем, из документов неясно, к каким конкретным последствиям для Пахоловых привел их перевод в категорию «лишенцев».

Однако, в самом начале 1929 г. в местные партийные организации и избирательные комиссии были разосланы письма, осуждающие перегибы при лишении избирательных прав определенных категорий граждан. В частности, указывалось на недопустимость в борьбе с кулаками допускать перегибы по отношению к середнякам, которых рекомендова-

⁴ ГААО. Ф. 4850. Оп. 1. Д. 2а. Л. 5 об., 6 об.

лось активно привлекать к участию в предстоящих выборах[1, с. 46–47]. Видимо, Пахоловы решили воспользоваться этим обстоятельством, направив 10 февраля в Золотицкую сельскую избирательную комиссию следующее заявление, подписанное Василием Дмитриевичем:

«Настоящим прошу с/избирательную комиссию З<имне>-Золотицкого с/совета рассмотреть мое заявление следующего содержания: мы, г<ражда>не д. Н<ижняя>-Золотица Пахоловы Василий Дмитриевич и Яков Дмитриевич, имея на своем обеспечении семейство 4 человека, из которых лишены в правах г<ражда>нина 3 человека, означенное семейство состоит на обеспечении нас, а не как на обеспечении нашего отца. Основным нашим занятием как до февральской революции, так и в настоящий момент являются промыслы при своем сельском х<озяйст>ве, где вам как местным гражданам известно, что не применяли чужой рабочей силы как в сельском х<озяйст>ве, также и при промыслах. Хозяйство наше ведется совместно с отцом, но доход, полученный отцом, не является для нас обеспечением, хотя бы и частичным, но ввиду его старости и нетрудоспособности идет на обеспечение его одного, а почему и не имея мы два брата никаких нетрудовых доходов имея на обеспечении лишненное в правах семейство 3 человек просим вас с/избирательную комиссию восстановить в правах г<ражда>нина так как мы за исключением отца вся семья не были лишены, а имели равные права со всеми г<ражда>нами. А почему и еще раз прошу вас восстановить нас <sic> в правах, считая как трудовых элементов, не занимающихся эксплуатацией чужого труда, но если же с/избирком считает нетрудовым доход отца и участником меня в последнем, так нам в силу необходимости придется размельчить свое сельское х<озяйст>во и жить ничуть не независимо друг от друга»⁵.

Местный избирком отнесся к заявлению братьев благосклонно и на заседании 20 февраля вынес следующую резолюцию: «Т. к. Пахоловы эксплуатацией чужого труда не занимаются и от своего отца Пахолова Дм. Ст. имеют независимый заработок для существования, <...> в избирательных правах восстановить всю семью за исключением Пахолова Дм. Ст., как человек занимался раньше эксплуатацией чужого труда»⁶. Однако, когда эти бумаги были отправлены вверх, началась обычная бюрократическая канитель. 25 апреля дело было отослано на новое рассмотрение с просьбой приложить также решение сельсовета⁷, а 1 сентября – поступило требование приложить «заключения более мотивированные»⁸. Уже 3 сентября состоялся пленум Золотицкого сельсовета, подтвердивший решение избиркома⁹; последний, тем не менее, отказал в восстановлении в правах

⁵ ГААО. Ф. 4850. Оп. 1. Д. 2а. Л. 35–35 об.

⁶ Там же. Л. 31–31 об.

⁷ Там же. Л. 34.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 33.

главе семейства. Спустя некоторое время Дмитрий Степанович решил сам бороться за свои права, отправив в соответствующие инстанции два заявления. Оба написаны чужой рукой, Пахолову принадлежит только подпись. Первое датировано 4 ноября и отправлено Золотицкому сельсовету:

«В настоящем прошу рассмотреть мое заявление. Я лишен права голоса с 1926 года по неизвестным для меня причинам. Я отроду имею 74 года, всю жизнь свою в молодых летах ходил по наймам в матросах. Потом, когда семейство свое подрастил и сам стал в преклонных летах, стал заниматься в своем хозяйстве промыслами: ловлей семги без наемной силы и вообще к наемному труду никогда не прибегал. В 1923 году я взял в аренду в Зимних горах 3 версты в длину и 40 сажен в гору горы, в которой находятся залежи точильного камня, и контракт заключен мною <...> за плату 13 руб. в год. Потом поставил плотину для заточки точил и занимаюсь этим делом исключительно своими силами. И оборудованное построенное исключительно своими силами и собственными руками. <...> Выработанный точильный камень сдаю госучреждениям. И я за всю свою жизнь торговлей и другими неправильными путями, т.е. эксплуатацией, не занимался, и в силу этого прошу восстановить меня в правах голоса. В просимом прошу не отказать мне»¹⁰.

Второе заявление не датировано, но нет сомнений, что оно относится к тому же времени. Его адресатом была Комиссия по рассмотрению социальной расслонки при Золотицком избиркоме:

«Настоящим прошу восстановить меня в правах<х> гражданства и дать мне право голоса, т.к. наложенное на меня лишение не считаю правильным по нижеследующему, торговцем я никогда не был, постоянным эксплуататором тоже не был, напротив, лично я сам был отдан в услужение с 9 лет и находился в эксплуатации до 45 лет. Из чего видно, что вся моя молодость и зрелые силы отданы были на службе богатым. Причиной лишения послужили личные счеты некоторых г<ражда>н по ненависти ко мне, будто бы я эксплуатировал гребцов на гребном карбасе при выезде на пароходы, что не совсем правильно, были случаи приглашал гребцов, когда мой старший сын мобилизован на государственную службу, и я не мог иначе заработать себе грош на пропитание, и это не дает повода к лишению, и кроме того лишение доводит меня 75-летнего старика и семью к отчаянной голодовке»¹¹.

Никакой официальной реакции на эти письма в архивных бумагах не зафиксировано, но бюрократическая канитель продолжалась. 20 декабря состоялось еще одно заседание Золотицкого сельсовета, рассмотревшее заявление братьев Василия и Якова и принявшее следующую резолюцию: «Пахоловы лишены в 1927 г. В довоенное время в хозяйстве применяли частичный наемный труд. Со дня советской власти живут промыслами

¹⁰ ГААО. Ф. 4850. Оп. 1. Л. 26–26 об.

¹¹ Там же. Л. 28–28 об.

от своего труда. Хозяйство считать середняцким. Яков участвует во всей общественной работе, а Василий к мероприятиям соввласти никакой не проявил лояльности. В правах восстановить»¹². Но вышестоящая инстанция опять не утвердила это решение. Кто-то из начальников написал поперек резолюции: «Не указано, сколько времени применяли наемный труд и в каком размере и где».

Вероятно, после этого братья поняли: для того, чтобы их восстановили в правах, они должны будут отказаться от отца, размежеваться с ним. 6 февраля Василий и Яков направляют в сельсовет заявление «с просьбой о производстве имущественного раздела с нашим отцом Пахоловым Дмитрием Степ<ановича>, причем первый из нас, т.е. Пахолов Василий отделяется со своим семейством т.е. женой и дочерью, а второй, Пахолов Яков, желает отделить к себе сестру Параскеву Дм<итриевну>. В дальнейшем совместно жить не желаем»¹³. Совершив раздел, они 18 февраля втроем с сестрой пишут в Комиссию по восстановлению в избирательных правах при Золотицком сельсовете новое, которое уже по счету заявление:

«Настоящим обращаемся в комиссию с просьбой о восстановлении нас в избирательных правах, так как хотя мы и лишены, но считаем, что таковое произведено неправильно, потому что с детства занимались трудом, как-то: при разных промыслах зверя, семги и пушнины, сдавая последнее целиком в кооперацию.

Кроме того, я, Василий Дм<итриевич>, с 20 лет был взят на военную службу, во время мировой и гражданской войны служил 7 лет на тральщиках в партии траления мин, на ледоколах по доставке военных грузов и в научно-географической экспедиции, плавая все время матросом.

Эксплуатацией чужого труда не занимались. Все вышеизложенное подтверждают нижеподписавшиеся гр<ажда>не нашей деревни.

Об результате нашего заявления просим поставить нас в известность»¹⁴.

На обороте этого заявления содержится 58 подписей, некоторые представляют собой одни инициалы. Обращает на себя внимание подпись Серафимы Крюковой, сестры прославленной сказительницы Марфы Крюковой, она подписи не поставила.

Все шло к тому, чтобы всем трем младшим Пахоловым вернули избирательные права, но в начале 1930 г. началась принудительная коллективизация, фактически уничтожившая весь веками складывавшийся поморский уклад. Здесь не место говорить о том, кто стал считаться кулаками и какими методами происходило раскулачивание. Но в эти жернова попала и вполне середняцкая по имущественному положению семья Пахоловых, поскольку все лишены автоматически должны были

¹² ГААО. Ф. 4850. Оп. 1. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 25.

¹⁴ Там же. Л. 27.

быть раскулачены. О том, что с ними произошло, красноречиво свидетельствуют два документа.

Первый – заявление Василия Дмитриевича, посланное им 8 марта в Архангельский райисполком:

«Я, Василий Дмитриев Пахолов, с сестрою своею нахожусь высланным на лесозаготовке от Северолеса в Мудьюжском участке. В отсутствии нас раскулачили и семейство мое: жену беременную, отца старика 75 лет и мать 65 лет и брата инвалида 23 лет и малолетнюю мою дочь 5 лет выселили из дома и поместили в какую-то халупу (хату). Я по социальному положению считался средником, но два года назад стали считать меня кулаками. Затем местною нашею властью голос был дан и послано было на утверждение в Приморский рик [Районный исполнительный комитет.– А. Б.], тому месяцев пять, но ответа по сие время не получено. Наемным трудом мы не пользовались – работали своим трудом. Не знаю, почему нас причислили к кулакам. Хотя отец наш имел шитое судно вместимостию 600 пуд, но тому лет 20 назад. Кроме того, имели 2 дома, один недостроенный, для другого брата. <...> Также для своей надобности имеем маленькую кузницу и на таковой работа<e>м только для себя, а не на сторону другим лицам. Занимаемся исключительно рыбным промыслом и звероловством. В 1921 и 1922 году был на службе по географии в научной экспедиции в примерной партии и считался как бы на военной службе у красных. Из этого ясно видно, что я к кулацкой группе не подлежал-бы, а к средникам. Торговым делом никаким не занимался. Ввиду сего прошу Райсполком обратить сугубое внимание на мою просьбу и сделать защиту, вселить мое семейство в свой дом с возвращением всего конфискованного имущества, а также исключить нас из группы кулаков, как мы таковыми не были и быть не могли, как трудились сами свои трудом без наемных сил. Какое последует распоряжение сообщить в наш Зимне-Золотицкий сельсовет»¹⁵.

Второй – заявление от 10 марта в Архангельский окружной исполком, посланное от имени двух братьев и сестры, но подписанное (и написанное) одним Яковом:

«Настоящим обращаемся к Вам с просьбой о восстановлении нас в избирательных правах, так как хотя мы и лишены таковых, но совершенно не правильно. Местные власти признали нас как эксплуатирующих наемный труд, чем мы фактически занимались <не> с целью извлечения прибыли, а лишь в редких случаях и то в прошлое время для помощи хозяйству, когда дети были слишком молоды.

Подробно описываем биографию каждого из нас, являющихся членами одного семейства:

1) Пахолов Дмитрий Ст<епанович> 75 л<ет> от роду; пошел в кашевары с 9 лет на парусное судно и плавал таковым до 20 лет, а с двадцати лет

¹⁵ ГААО. Ф. 4850. Оп. 1. Д. 2а. Л. 24–24 об.

плавал матросом до 45 лет, а потом занимался своим хозяйством, рыбо-звериными промыслами; в свободное время ковал и столярил.

2) Пахолов Василий Дм<итриевич> 38 лет от роду; с детства работал в хозяйстве и занимался до 20 лет рыбо-звериным промыслом; с 20 лет был взят на военную службу и служил до 28 лет, а после службы занимался работой в хозяйстве и рыбо-звериными промыслами, сдавая добычу кооперации¹⁶.

3) Пахолов Яков Дм<итриевич> 23 лет от роду; с малых лет работал в хозяйстве; 16 лет получил увечие, т.е. отрубил у левой руки четыре пальца на своей работе; после увечия опять занимался опять хозяйством и рыбо-звериными промыслами, сдава<я> добычу кооперации.

Общее наше семейство состоит из 7 человек. Работая и подымая свое хозяйство, насколько хватало наших сил, мы никогда не ожидали, что окажемся в таком положении как сейчас, т.е. лишенными избирательных прав. Кроме того, в настоящий момент нас власти выгнали из своего дома и поселили в чужую хату, описав все, что было, оставив лишь то, что было на плечах и без всяких средств для дальнейшего существования.

Такое безвыходное положение обрекает нас на голодную смерть, которой во всяком случае мы не заслужили, а потому обращаемся к вышестоящим органам Сов<етской> Власти с надеждой, что таковые учтут наше положение в действительности и незаконное решение местной Власти об лишении нас избирательных прав и доведении нас до такого бедственного положения отменят и дадут соответствующие указания низовым властям об устранении вышеизложенного.

Об результатах нашего ходатайства просим поставить нас в известность.

Рик и сельсовет нам отказывают.

Справедливость изложенного подтверждаем<sic!> население района¹⁷.

Следом к делу подшит лист уже со 132-мя подписями жителями двух деревень¹⁸.

Это заявление легло на стол властей в очень удачное для заявителей время: буквально за неделю до его написания, 2 марта, была напечатана знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов», где осуждались перегибы на местах, допущенные чересчур рьяными местными руководителями. Поэтому неудивительно, что реакция на отчаянные письма Пахоловых последовала незамедлительно. В тот же день, 10 марта, какой-то влиятельный начальник оставляет на втором письме резолюцию красными чернилами; в ней говорилось, в частности, что «семейство Пахоловых восстанавливалось, как не имеющее наемного труда, но дальше с/совета дело продвинуто не было», и что «при наличии допу-

¹⁶ ГААО. Ф. 4850. Оп. 1. Д. 2а. Л. 21.

¹⁷ Там же. Л. 21–21об. [С неточностями опубли. в кн.: Точилев Т.Е. Послание из прошлого / вступ. ст., ред. и сост. В.А. Точилова.— Северодвинск, 2011.— С. 207–208].

¹⁸ Там же. Л. 22–22 об.

щенного перегиба к данному хозяйству – должно<?> немедленно сельсовету указать об исправлении ошибки». Очевидно, перегиб был найден, так как ниже стоит еще одна резолюция, датированная тем же 10 марта: «Наемный труд применялся отцом лет 20 тому назад».

Эта история завершилась для семьи Пахоловых относительно благополучно. Дмитрий Степанович домой так, по-видимому, и не вернулся, а вот Василию и Якову возвратили принадлежавшие им дома. Василий Дмитриевич остаток жизни проживет в родной Нижней Золотице. Он будет работать в колхозе, вытачивать печуру и продавать ее заезжим кооператорам, а с 1963 г. будет работать в некогда принадлежащей его семье кузнице, чем заслужит прозвище «Железяка». Скончался Пахолов в 1970 г., могила его на золотицком кладбище затеряна. Сейчас в Нижней Золотице проживает его внук, а в Верхней – внучка.

Библиографический список:

1. *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : (на материалах Смоленской губернии и Западной области).— Смоленск : Маджента, 2012.— 155 с.
2. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сб. док. / под общ. ред. А.Я. Вышинского; Акад. наук СССР, Ин-т права.— М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940.— 300 с.
3. *Саламатова М.С.* Институт лишения избирательных прав в Советской России: От Конституции 1918 года к Конституции 1936 года // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс.— 2018.— № 3.— С. 122–140.

Администрация муниципального образования
«Приморский муниципальный район»

Муниципальное бюджетное учреждение
«Музей народных промыслов и ремёсел Приморья»

Местное отделение
Общероссийской общественно-государственной организации
«Российское военно-историческое общество»
в муниципальном образовании
«Приморский муниципальный район»

БЕЛОМОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
V межрегиональной научно-практической конференции
(23–24 апреля 2021 года,
посёлок Уемский – деревня Пустошь)

ВЫПУСК IV

Архангельск
2021

УДК 94(470.11)(082)+
398.2(092)Крюкова М.С.(082)
ББК 63.3(2Рос-4Арх-5Приморский)я431+
82.3(2Рос=Рус)6-
8КрюковаМ.С.я431
Б43

Редакционная коллегия:

А.Г. Богданова, директор МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья»
О.Е. Горшков, заместитель директора по научной работе МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья»
М.А. Смирнова, кандидат исторических наук, редактор, член Оргкомитета научно-практической конференции «Беломорские чтения», главный библиотекарь ГБУК АО ГМО «Художественная культура Русского Севера»
Н.В. Чебыкина, научный сотрудник МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья»

Составитель и ответственный редактор:

Горшков Олег Евгеньевич, заместитель директора по научной работе МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья»

Научный редактор:

Смирнова Марина Александровна, кандидат исторических наук

Рецензент:

Шубин Сергей Иванович, профессор, доктор исторических наук

Б43

Беломорские чтения; 5-е.

Беломорские чтения : Архангельск, 2015.—

Выпуск 4 : материалы V межрегиональной научно-практической конференции. (пос. Уемский – дер. Пустошь) 23–24 апреля 2021 года / 12+ ; сост. и отв. ред. О.Г. Горшков, науч. ред. М.А. Смирнова.— Архангельск, 2021.— 232 с. : ил.

Очередные Беломорские чтения проходили в год юбилея М.С. Крюковой – талантливой беломорской сказительницы. Один из разделов сборника посвящен этой дате, другие разделы – это уже сложившиеся направления: традиционные промыслы и ремёсла Севера, их представление в деятельности музеев и библиотек.

Сборник предназначен для специалистов по фольклору, этнографии, традиционной народной культуре, всем любителям северного краеведения, студентам и школьникам.

ISBN 978-5-6045339-4-9

УДК94(470.11)(082)+
398.2(092)Крюкова М.С.(082)
ББК63.3(2Рос-4Арх-5Приморский)я431+
82.3(2Рос=Рус)6-8Крюкова М.С.я431

На обложке изображение Зимнегорского маяка (из собрания В.В. Лаврова)

ISBN 978-5-6045339-4-9

© МБУ «Музей народных промыслов и ремёсел Приморья»
© Горшков О.Е., составитель
© Авторы статей